

Андрей Кузечкин

Святокаменск

ФТМ

Андрей Кузечкин Святокаменск

Текст предоставлен правообладателем

Аннотация

Роман в жанре альтернативно-исторической реальности. В начале 90-х в России пришли к власти радикальные националисты. Лишь один город остался им неподвластен – Святокаменск, взятый в аренду заокеанскими корпорациями. Фашисты устраивают в городе вооружённый мятеж, который проваливается. Но Император Пирогов не оставляет попыток вернуть территорию... В 2012 году роман «Святокаменск» занял место в лонг-листе всероссийской литературной премии «Дебют».

Содержание

Необходимое предисловие	4
Пролог. Профессор Стёпа (1995 год)	6
Не называйте меня гармонистом (1997 год)	20
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Андрей Кузечкин

Святокаменск

Необходимое предисловие

Идея написать альтернативно-исторический роман о «русском Гонконге» родилась у меня в 2006 году, после прочтения книги «Остров Крым» Василия Аксёнова. Начал я с рассказа, который отправил на конкурс, где тот был беспощадно освистан. Рассказик и впрямь получился так себе. Хотя бы потому, что половина героев была японцами, которые больше напоминали чокнутых фанатов аниме.

Ошибки я учёл, японцев вымарал. Над романом работал несколько лет, результатом чего стал лонг-лист премии «Дебют» 2012 года, куда и попал «Святокаменск».

Пока писал, меньше всего думал о каких-либо параллелях с реальной жизнью. Даже более того, старался всячески подчеркнуть условность происходящего. Но...

Найти издателя для романа я не успел: в 2014-м году случились некие события, подозрительно напоминавшие первую часть романа, где описывается мятеж в городе. Так безобидный альтернативно-исторический боевичок превратился в памфлет, а вероятность издать его сама собой свелась к нулю.

Доказывать, что я ничего «такого» не имел в виду и что люди меня интересуют гораздо больше, чем политика, уже, видимо, бесполезно.

Просто помните об этом, читая роман...

Пролог. Профессор Стёпа (1995 год)

Примерно раз в неделю, а то и чаще, комната, где жили Стёпа с родителями, наполнялась людьми. Это были соседи по этажу – сослуживцы отца и их жёны. Собирались именно здесь, потому что у Стёпы и его родителей были самая большая комната – Стёпа объяснял это себе именно так.

На середину комнаты выдвигали стол, другой стол приносили из соседней комнаты, сдвигали их вместе, приносили и расставляли табуретки и скамейки. Отец обязательно включал на полную громкость радиоприёмник. Если пели на иностранном, то дядя Лёва, который работал с отцом в одном цеху, непременно переключал на другую частоту, объясняя возмущённо: «Ну, а чё он не по-русски лает?»

Рюмки этак после третьей рюмки кто-то спохватывался:

– А где Стёпа?

– Да где ж ему быть, на чердаке с книжкой сидит, – улыбался вставными зубами румяный от водки отец. – Умный мужик растёт, начальник.

– О-о-о-о! – гоготали все.

По меркам Правдинск-Северного Стёпа был почти отличником: по всем предметам твёрдые четвёрки, нет-нет, да тройка проскочит. Любил читать, особенно на чердаке, где

нечем больше было заняться. Стёпа сбегал туда во время каждого застолья, чтобы не видеть пьяных рож.

Книги он брал у тёти Ады, которая жила в крохотной комнатке в самом конце коридора. Вся её комнатка – большой шкаф с книгами, раскладушка и сундук, а в сундуке тоже книги. Стены выложены плиткой, потускневшей, побитой. Здесь когда-то был туалет, потом его переделали в жилую комнату. В двухэтажном доме остался всего один туалет, на первом этаже. К нему частенько выстраивались очереди, поэтому за мелким делом обитатели дома предпочитали ходить во двор.

Стёпа читал старые книги. У тёти Ады было много книг про другие времена. Стёпе очень нравился «Остров сокровищ» – намного больше, чем идиотский мультфильм. Нравились рассказы Эдгара По, но казались какими-то топорными, незамысловатыми. Нравилась Лидия Чарская, хотя она и писала про одних девчонок. Даже Ивана Ефремова смог осилить, целый большой роман. Тоже про другие времена – вроде про будущее, но про такое, как его представляли в прошлом.

Иногда у Стёпы получалось весь вечер просидеть на чердаке с книжкой и фонариком, но это бывало редко.

– Сынок, тебя зовут. – Звала снизу мать. Если Стёпа не торопился или не слышал, она могла повторять эти слова снова и снова одним и тем же голосом – негромким, равнодушным. Мама никогда не кричала, не плакала и не улыбалась. Ко-

гда она смотрела «Просто Марию», готовила, выбивала ковёр, стаскивала обмоченные брюки с храпящего отца, стирала или спала, на лице её было одно и то же выражение, в котором читались покорность, усталость, безразличие.

Стёпа обречённо захлопывал книгу и спускался по приставной лестнице. Сейчас его посадят за стол, начнут дружески обнимать и тискать, спрашивать, кем он хочет стать. Он всегда отвечал: профессором, зная, что все ждут именно этого. Восторг и хохот – ну и пусть ржут, если им надо.

А потом случалось то, чего Стёпа ждал, как какой-нибудь несчастный узник ждёт ежевечерней пытки. Кто-нибудь – обычно дядя Лёва – предлагал выпить за будущего профессора. И кто-то – обычно он же – говорил строго:

– Видишь, Стёпа: за тебя пьют. А ты что же?

– Налить ему на доньшко, слабенького, – советовал кто-то другой. Дядя Лёва ставил перед Стёпой стакан, его дно было окрашено чем-то вишнёвым.

Стёпа не брал стакан. Все, кто был за столом, пристально смотрели на него. Здоровенный и спокойный, как гора, дядя Володя, по каждому поводу повторявший «Египетская сила!», и мамина подруга Галина, которая всё время кудахта, как курица, и кривой Антон Михайлович, похожий на пирата – не только из-за единственного здорового глаза, но и из-за своей вечной ухмылки, лихой, разбойничьей. И все остальные смотрели, не отрываясь, даже жевать забывали.

– Ну, ты чего, Стёпка? – удивлялся дядя Лёва, а потом

улыбался и подмигивал:

– Давай, а?

– За папку, за мамку, – подсказывала жена дяди Лёвы, тётя Аня, такая же толстая и весёлая, как её муж.

Стёпа не мог понять, почему дядя Лёва каждый раз повторяет одно и то же. Будто не помнит, что на прошлой неделе Стёпа отказался пить, и на позапрошлой, и много-много дней назад. Неужели каждый раз забывает? А может быть, ему это просто нравится. Игра у него такая. И Стёпе приходилось играть. Он не умел грубо разговаривать со старшими.

– Я не буду пить, – говорил он вежливо.

– Вообще? – изумлённо гримасничал дядя Лёва.

– Вообще никогда.

Он давно уже не удивлялся, что после этих вполне серьёзных слов все гогочут ещё громче, чем после слова «профессор».

– И даже на свадьбе не будешь пить?

Тут было два варианта ответа. Либо сказать то, что Стёпа действительно думал: «Я никогда не женюсь», тогда опять общий хохот и шуточки: «Ёлы-палы, лес густой, ходит Стёпа холостой». Или опять скромно и вежливо сказать: «Не буду».

– Что же, все пьют, а ты не пьёшь? А перед гостями как, удобно? Удобно тебе будет перед гостями?

Столько сразу мыслей, столько вопросов... Почему обязательно пить? Почему перед гостями должно быть неудоб-

но? И что это за гости такие, нахальные? Их пригласили в чужой дом – пусть сидят и не вякают. Если хозяин не пьёт, это его дело.

– Оставь в покое пацана, – смеялся отец. – Не хочет пить – пусть не пьёт. Я сам до армейки капли в рот не брал.

– И чё? – заносчиво возражал дядя Лёва. – Мне вот с детства наливали, и ничего.

– У Стёпы здоровье слабое, – говорила мама усталым голосом.

– Здоровей будет!

Отец обнимал Стёпу за плечи:

– Не слушай никого. А Лёвушку – особенно. Алкаш он. (Дядя Лёва несколько не обижался на эти слова, даже ухмылялся с непонятной гордостью.) Ты знай учись. Алкашом стать всегда успеешь. Каких красных командиров знаешь?

Почему-то он всегда спрашивал Стёпу про красных командиров, про Гражданскую войну, хотя по телевизору говорят, что и красные, и белые были по-своему правы. Стёпа любил смотреть исторические передачи. И на вопросы отца уверенно отвечал: Чапаев, Блюхер, Котовский, Щорс. Отец шумно радовался, вываливал из карманов мелочь – на мороженое. Если только она была.

А иногда бывало и по-другому. Месяц, два – никаких застолий, никаких гостей. Отец приходил с работы хмурый, придирался к матери, кричал на Стёпу. Это означало: задерживают зарплату, и даже тётя Клава, бабка-самогонщица с

первого этажа, перестала наливать в долг. Отец как будто бы превращался в собственного злого двойника. Зато, когда зарплату всё-таки давали – мигом добрел. И жадно пил. И приводил к себе в комнату друзей, которые тоже жадно пили и тоже становились весёлыми и шумными. Включали радио и хором подпевали, когда звучала знакомая песня – «Айсберг» или «Подорожник-трава». Или вытаскивали на середину комнаты, в центр стола, телевизор (единственный цветной телевизор в доме), смотрели фильм, будто в кинотеатре. Кричали, болели за героев. «Ну, куда ты прёшь, дурак, там этот гондон засел!» – громче всех вопил дядя Лёва. Стёпа не любил смотреть телевизор. Там показывали каких-то других людей. Эти люди были добрыми или злыми, потому что такими родились или потому что им хотелось быть такими, а не потому, что мало или много выпили.

Папа и его гости от алкоголя сперва добрели, а потом медленно, но верно зверели. Дядя Лёва мог ни с того, ни с сего заорать на тётю Аню: «Ты чё мне лечишь, курва?» и даже ударить её по лицу, разбить нос или губы. Дядя Володя забывал про своё спокойствие и лез в драку на всех, кто попадал под горячую руку – обычно доставалось Антону Михайловичу, дяде Жене или тому же дяде Лёве. Отец кидался разнимать и отхватывал больше всех, падал на пол, да так и засыпал. Падали стулья, звенела посуда. Кудяхтала тётя Галина. Одна только мама хранила усталое равнодушие. Когда утихал пьяный хай и соседи расползались по этажу, возвращаясь

в свои комнаты, она молча помогала отцу встать, не обижалась даже, если тот пытался оттолкнуть её. Укладывала его затылком на подушку, влажной тряпочкой вытирала кровь с его лица. Безропотно собирала осколки посуды и останки растоптанного ужина.

Гораздо чаще всё заканчивалось мирно. Просто наступал момент, когда каждый слышал и понимал только сам себя. Дядя Лёва в миллионный раз рассказывал непонятно кому историю, как переспал с подругой жены, снова и снова повторяя деревенеющим языком одни и те же фразы: «И главное чё... хрен бы я на неё полез... если бы был трезвый... она ж страшная, как атомная война...» Тётя Аня этого не слышала, она громко блевала в раковину на общей кухне. Дядя Володя пел себе под нос: «Их в живых осталось только семеро, молодых солдат... Эх, етитская сила...» – и всхлипывал. Храпел отец, который обычно отключался раньше всех. В общий шум сливалось бормотание, кряхтение и пение других гостей, это напоминало Стёпе зоопарк или психушку, хотя ни там, ни там он никогда не был.

Однажды Стёпа спросил у тёти Ады, когда пришёл к ней за новой книжкой, почему так происходит. Неужели папа, его друзья с работы, мамыны подруги и все остальные взрослые, кого знал Стёпа, живут только ради того, чтобы пить? Даже измученная мама чуть-чуть веселеет, когда немножко выпьет. Почему они не могут жить как-то по-другому?

– Жить... – грустно усмехнулась тётя Ада. – Они не жи-

вут, Стёпочка. Они мёртвые.

– Мёртвые? – Стёпа хмуро замолчал, обдумывая это. – И мама?

Тётя Ада грустно подтвердила:

– Особенно она.

Тогда Стёпа всё понял. Ему даже не стало страшно: он и раньше об этом думал, тётя Ада только подтвердила его догадки. И мама, и отец, и дядя Лёва, и старик Семён Михайлович, и дядя Женья, у которого дёргается шея и дрожат руки, и другие соседи, и пацаны, что каждый вечер пьянствуют во дворе на лавочке – это не люди, а какие-то оболочки от людей, которым надо заливать внутрь спиртное, чтобы поддерживать иллюзию жизни, чтобы они могли двигать руками-ногами, открывать рот и издавать звуки. Роботы с алкогольной смазкой. Даже учителя в школе, где учился Стёпа, частенько приходили на уроки поддатými – особенно трудовик, физрук и физичка Евгения Сергеевна с прокуренными зубами.

Других людей Стёпа просто не знал. Он жил в городке мертвецов.

– Тётя Ада, а где живут живые люди? В Москве? В Петербурге?

Она отвечает, не задумываясь:

– Да, и там тоже. Но их там тоже немного. То есть, больше, чем где угодно, но всё равно – это капля в море... И Москва, и Петербург – это море мертвечины, гнусной мертвечины.

Но есть такой город, где живут одни живые.

У Стёпы дыхание перехватило: он понял, что сейчас узнает что-то важное. Не решился ничего спросить – стал ждать, что скажет тётя Ада.

Она открыла шкаф, достала открытку. На открытке город: площадь, старинная башня с часами, вокруг – старинные дома, только сзади поднимается многоэтажка, ещё не достроенная. Старинные дома – тёмно-красные, светло-жёлтые, бледно-зелёные, а башня – белая-белая, будто из снега.

– Святокаменск, – сказала тётя Ада.

– Святокаменск... повторил Стёпа. – А где это?

– Далеко. Но ближе, чем Москва. В Приморье. На берегу Японского моря. Небольшой город. Порт, кое-какие заводы. Население – тысяч сто. Было. Сейчас увеличивается быстро-быстро.

– Почему?

– Полтора года назад этот город взяли в аренду японцы и американцы. Точнее, американские и японские корпорации, совместный проект. Понимаешь, что такое корпорации? То же самое, что фирмы, только очень большие и богатые. Маленькая фирма может взять в аренду помещение или целый дом, а корпорация – город.

Тётя Ада, наверное, думает, что он совсем дурачок. Стёпа нетерпеливо закивал:

– Да я понимаю, понимаю... Значит, этот город теперь не наш?

– Наш, но не совсем. Они же не купили его, а взяли попользоваться сроком на сто лет. И даже не сам город, а порт и все предприятия, а сам город... У него особый статус. Он вроде бы наш, вроде бы их, а на самом деле – как бы свой собственный. Всё это – эксперимент, в нашей стране подобного ещё не было.

– А зачем они его взяли в аренду?

– Американцам и японцам удобно иметь свой собственный город на нашем материке, чтобы проще было продвигать свои товары на нашей территории. Чтобы не везти их из-за моря, а производить прямо здесь.

– А всех наших они выселили?

– Что ты, наоборот. Расширили все предприятия, создали десятки тысяч рабочих мест. Приглашают всех желающих со всей страны... Им все нужны: и специалисты, и простые рабочие... Но с условиями.

– С какими?

– На работу берут только здоровых людей. Это официальная формулировка. А расшифровывается вот как: алкоголизм – это болезнь. Курение – это болезнь. Наркомания – сам понимаешь. Если человек матом ругается – это тоже болезнь, болезненная привычка. Когда новый человек приезжает и устраивается на работу – ему дают месяц испытательного срока. Если хоть раз пришёл на работу с похмелья, или курил на рабочем месте, или грязно выругался – всё, до свидания. А если нет – устраивайся вместе с семьёй, живи, ра-

ботай, и получай хорошую зарплату. В долларах.

– И много они нашли таких, которые не пьют и не курят?

– Говори проще: живых. Да. Много. Живых на самом деле много, просто они рассыпаны по всей стране среди всей этой мертвечины. А Святокаменск – это такой огромный пылесос, который собирает живых людей. Знаешь, кто мне прислал эту открытку? Сева. Он сейчас там. Помнишь Севу?

Конечно же, он помнил Севу. Он раньше жил в комнате напротив тёти Ады. Добродушный такой, в очках, с пухлыми румяными щеками. Носил потёртый свитер в красно-зелёную клетку и смешную большую кепку как у Марио. (В «Супер Марио» Стёпа играл на приставке «денди» у одноклассника Женьки.) Дядя Лёва, когда видел Севу, громко говорил: «Студент!» А когда тот оборачивался, добавлял: «Влип, очкарик» и гоготал, будто бы сказал что-то смешное. Сева тоже смеялся, подхалимски. Он очень хотел нравиться соседям.

Но Севу не любили. Отец-трезвый рассказывал, каким-то нехорошим голосом, будто плевался, что Сева – маменькин сынок, закончил какой-то институт в каком-то большом городе, не смог потом найти работу по специальности, вернулся в Северный, кое-как устроился на завод и даже получил комнату в коммуналке. А за что ему комнату, у него руки из задницы, работать ни хрена не умеет, драный интеллигентишка, постоянно детали запарывает. Вот выгонят его и комнату отберут – и скапугится под забором.

Но всё-таки Сева иногда появлялся за общим столом, и

его никто не выгонял. Отец-пьяный, смеясь, говорил вполголоса дяде Лёве: «Ну что ж он, не человек, что ли?» Хотя Сева никогда не пил спиртного и чокался компотом или «инвайтом», которым угощал его Стёпа.

Потом Сева уехал неизвестно куда, о нём быстро все забыли.

– Он там. Пишет, что устроился помощником библиотекаря в тамошний институт. И что зарабатывает больше, чем на правдинском заводе главный инженер. И что вокруг него только интеллигентные люди. Вот такой это счастливый город.

– Я хочу туда, – твёрдо произнёс Стёпа.

– Хочешь – значит, попадёшь. Только подрасти сначала. И учись хорошо. Чтобы тебя взяли там на работу, нужно ещё пройти тест на интеллект.

– А вы почему не уедете?

– Я тоже мёртвая, Стёпочка.

Тётю Аду тоже не особо любили. Говорили, что она странная. Мама объясняла своим обычным равнодушным голосом: «Это потому что у неё нет ни мужа, ни детей». Стёпа думал: «А у тебя есть. Легче тебе от этого?» За тётей Адой он знал только одну странность: она любила ходить по дому в смешной соломенной шляпе. Иногда останавливалась возле зеркала, позировала, поправляла шляпу, сдвигала то вправо, то влево. А в остальном – была такой же, как все. Точно так же любила выпить и поговорить. В её речи иногда проскаки-

вали какие-то старые слова – «сударь», «извольте», «с вашего позволения». Разговаривала громко, азартно, с придыханием, и её глаза, похожие на чёрные вишни, сверкали.

А однажды она громко зарыдала. В то утро, когда тётя Клава, самогонщица, бегала по всему дому и громко каркала:

– Пизидент помер!

В комнате, где жил Стёпа с родителями, собралась толпа, сгрудилась возле телевизора. На экране – специальный выпуск новостей.

Тётя Ада рыдала в углу, низко наклонив голову, за полями соломенной шляпки не было видно лица. Остальным было скорее весело.

– Подох, значит, алкаш-то, – с непонятным злорадством сказал дядя Лёва.

«А ты-то кто?» – подумал Стёпа. Потом вслушался в слова диктора. Президент скончался во сне. Внезапная остановка сердца. Обстоятельства расследует специальная правительственная комиссия. Глава комиссии – какой-то министр Пирогов, отставной генерал. Стёпа никогда раньше не слышал эту фамилию, в отличие от взрослых, которые почему-то принялись соревноваться – кто громче заорёт.

– Етитская сила! – ухал дядя Володя.

Галина кудахтала что-то невнятное.

– Пирогов – нормальный мужик! – кричал отец. – Вот увидите, новым президентом его выберут!

– Да ты что, он же фашист... – громко протестовал старик Семён Михайлович.

– Да какой он фашист, ты упал, что ли, Семён? – вопил дядя Лёва. – Он за нас, за простых людей! Правильно, Анка? Уж пусть лучше его выберут, чем опять коммуняк!

– Да-да, правильно-правильно! – встрял дядя Женья, смешно дёргая шеей и размахивая дрожащей правой рукой. – Он воров-то поразгонит, а то порасплодились!

Странно было слышать такие слова от него. Ещё вчера Стёпа видел, как дядя Женья в продуктовом магазине улучил момент, когда продавщица отвернулась, и стащил с прилавка кусок заветренной колбасы.

Мужчины громко спорили и задорно ругались. Тётя Ада рыдала и не могла успокоиться. А Стёпе как-то особенно сильно захотелось уехать в тот счастливый город, где никто не напивается и не ругается, где нет воров и хулиганов. В Святокаменск.

Не называйте меня гармонистом (1997 год)

Концерт должен был начаться ещё три часа назад, но до сих пор не начался. Антон Змейцев с досадой хлопнул дверью старенькой «Хонды» – он был стажёром, поэтому на задания приходилось выезжать не на фирменном фургоне с логотипом телеканала, а на простой машине. На чужой, естественно.

На площадке перед клубом – молодёжь. Здесь и музыканты, и несостоявшиеся зрители, одинаково мрачные и вялые от жары. Сбившись в кучки, сидят на скамеечках, на ограде широкого крыльца и на асфальте.

Среди тех, кто не сидел на месте, а лениво прохаживался взад-вперёд, Антон заметил Аглаю. Она училась на его факультете, только на курс ниже. Её трудно не заметить: худущая девчонка с длинным и острым, как у Буратино, носом. Ещё два острия проглядывают сквозь белую футболку – Аглая почему-то никогда не носит бюстгалтеров.

Наверное, она с самого начала здесь. Уже всё у всех выспросила по сотне раз. Настырная девка. Хорошо, что ей с Антоном нечего делить: она писака, а он телевизионщик.

Сергей, он же хозяин «Хонды», он же телеоператор, поинтересовался, окинув толпу скучающим взглядом:

– Работаем?

– Работаем... – ответил Антон, чуть ли не стиснув зубы. Возвращаться с пустыми руками нельзя, сюжет должен быть готов к завтрашнему утру, даже если его придётся делать из ничего, из пустого места.

– Пока что сними толпу. Два-три общих плана, потом выбери самую грустную рожу, лучше девочку, и сделай наезд.

Самые грустные рожи были у «авангардистов». Парни в голубых рубашках с коротким рукавом и кепках с эмблемой – перевёрнутой буквой «А» – бродили, виновато скобля взглядами асфальт. Им, должно быть, очень плохо. Такой облом! Видите ли, «Авангард» решил доказать, что он не студенческий кружок по интересам и не формальная альтернатива быдловскому «Легиону», а полноценная общественная организация. Решили замутить первый в городе полноценный рок-фестиваль. Собрали все местные полупрофессиональные коллективы, пригласили аж из Москвы группу «Зелёный чай», которые в этом году то ли выступали на втором «Максидроме», то ли должны были, но сорвалось... «Пять часов живого звука», все дела. В самом городе им нормального зала никто почему-то не дал, пришлось устраивать здесь, в Углах, в двухэтажном деревянном сарае под названием «У Билла». При Советской власти этот клуб назывался «Зубило», здесь показывали фильмы и устраивали танцы для рабочей молодёжи.

– О, Антошка. Привет. Снимать приехал? – Аглая явно

удивилась, но не тому, что он появился здесь, а тому, что так поздно.

– Да. Надеялся успеть к «Зелёному чаю».

– У «Чая» саундчек. Уже четвёртый час пошёл. Я говорил с их гитаристом, он мне что-то про местную звуковую аппаратуру объяснял. Я поняла только слово «дерьмо». Говорит: мы на таком дерьме играть не будем, хоть режьте. Блимберг их уламывает, может, и уломает. Они пытаются там хоть что-то настроить.

– Чё хоть они играют?

– Кто? «Зелёный чай»? А ты не знаешь?

– Я русскую тухлятину вообще не люблю. – Змейцев сделал такое лицо, будто лизнул что-то горькое. – Всю нормальную рок-музыку делают в Англии.

– Вот, а собрался снимать про них... Играют приятный такой брит-поп.

– Очередная ублюдочная пародия на «Оазис»?

– Ну, вроде того...

Откуда ни возьмись, появился Тимофей Блимберг – второй человек в «Авангарде» и непосредственный организатор концерта. Плотноватый вальяжный блондин, мнивший себя любимцем девушек, сын богатых родителей, студент экономафа и давний знакомый Змейцева.

– Вот что, Антоха, камеру уберите, – потребовал он вместо приветствия.

– Что такое, Тимофей? Ты сам разрешил снимать... Экс-

клюзивно, так сказать.

– Разрешил, а теперь запрещаю. Сворачивайтесь.

– А ты заставь, – спокойно сказал Змейцев.

Блимберг сделал страдальческое лицо:

– Ну, Антоша... ну, ты пойми: не в службу, а в дружбу.

Как друга прошу: никаких съёмок. Ты ж нас подставляешь...

– Да вы сами себя подставили.

– Откуда я знал, что у них тут аппарат такой?

– Ты организатор, ты должен был...

– Должен, должен! – перебил Блимберг. – Всем должен!

Я вот, фак, «Зелёному чаю» теперь должен кучу бабок, неустойку... Где я их нарою? Фак! Так, всё. – Блимберг отмахнулся от Антона и вытащил из кармана голубой «авангардистской» рубашки здоровенный мобильный телефон.

– Мне сюжет надо доснять... – попытался оправдаться Антон.

– Да делай чё хочешь... – Блимберг уже потерял всякий интерес к Змейцеву, он лихорадочно набирал какой-то номер. Поднёс похожую на галошу «трубу» к уху, второе ухо заткнул ладонью, отошёл подальше от разговорчивой толпы, к углу клуба.

– И как ты будешь сюжет снимать? – любопытствовала Аглая. – Внутри тебя не пустят. Меня вот не пустили.

– Да ладно, обойдусь. Поговорю с остальными группами и с фанатами.

Антон прошёлся глазами по толпе, отыскивая интересный

типаж, и остановил взгляд на человеке в широких джинсах и лёгкой спортивной куртке, под которыми угадывалось мощное тело. Человек был явно старше любого из присутствовавших: не то под тридцать, не то за тридцать. Определить возраст точнее мешала длинная щетина. Лицо человека было угрюмым, причём с первого взгляда становилось ясно: эта диковатая угрюмость – его нормальное, естественное состояние независимо от настроения и внешних обстоятельств. Человек никак не гармонировал с окружающими. Он не носил ни длинных волос, ни «ирокеза» – голова выбрита почти под ноль. Не было и серёг в ушах.

Вокруг странного человека кучковались какие-то юные музыканты – обычные панки с гитарами в чехлах и высокими волосатыми гребнями и даже одна панкушка. Девочка вытирала слёзы.

– Это что за мордоворот? – спросил Антон, провожая взглядом мрачного человека, который куда-то направился сквозь толпу и вскоре пропал из виду.

– А, это... да, я его тоже заметила. Это Дэн из группы «Бухие тролли». Он играет на губной гармошке.

– На губной гармошке? – Антон решил, что Аглая что-то путает. – На губной гармошке – в панк-группе? Разве так бывает?

– Фантазии у тебя нет.

– Ты с ним уже говорила? – раздражённо спросил Змейцев.

– Ну... Нет. – смущённо призналась она. – Боюсь.

– Ты – боишься?

– Про него такое рассказывают... Одни говорят – сидел. Другие – что воевал в «горячей точке». Сходятся в том, что он отморозок.

– Ну, это мы проверим... Тьфу ты, куда он делся?

* * *

На крыльцо вышел звукооператор и сообщил, что концерт отменён, окончательно и бесповоротно. Раздался дружный вой разочарования. Но ничего не поделаешь – народ принял-ся неторопливо разбредаться кто куда.

– Ну чё – по домам? – мрачно спросил Троль.

– По домам... – подтвердил Дэн. Помолчал, а потом проговорил нехотя:

– Ребята, простите, что втянул вас в это.

– Да ничего, ничего... – хором заговорили Троль, Жужик, Майк и Мэрилин. «Бухие тролли» знали, что их взрослый друг никогда не извиняется для проформы. Если он говорит «простите» – то по-настоящему сожалеет, очень сожалеет, до боли. Дэн был их покровителем. Договаривался с организаторами концертов, иногда даже из своего кармана оплачивал репетиции, если ни у кого из коллектива больше не было денег. И никогда не вмешивался в музыкальную часть, не давал советов, как и что играть – только пиликал

свои проигрыши на губной гармошке.

– Дэн... – осторожно сказал Троль.

– Ну?

– Мы в кафе-мороженое... Ты с нами?

– Нет. Я домой.

– А, ну да, у тебя же ещё один концерт...

Дэн равнодушно попрощался с «Тролями». С площадки уйти не успел – на пути возник паренёк с микрофоном, смазливый и какой-то растерянный, а позади него – бородач с телекамерой.

– Здравствуйте. Новости «СК-ТВ». Сможете уделить нам пять минут?

– Почему бы и нет, – согласился Дэн, больше от скуки.

– Представьтесь, пожалуйста.

– Дэн. Просто Дэн.

– В какой группе вы играете?

– «Бухие тролли».

– На чём?

– На губной гармошке.

– Эм-м... Гармонист, значит?

– Не называйте меня гармонистом. Я харпер.

Дэн, несмотря на свой жутковатый вид, разговаривал спокойно, даже вежливо, но как-то снисходительно. Змейцев чувствовал, что его не принимают всерьёз, и нервничал.

– Харпер, ага. А в каком стиле вы играете?

– Панк-рок.

– Эм-м... И при чём здесь губная гармошка?

– Фантазии у вас нет.

Они сговорились, что ли? Антон Змейцев молча подавил раздражение. Профессионалом нужно быть до конца.

– Можете сыграть что-нибудь?

Дэн достал из внутреннего кармана куртки чёрный футляр. Расстегнул, извлёк гармошку. Закрыв глаза, исполнил «Грустную любовь» Поля Мориа – на СК-ТВ эту мелодию использовали в качестве заставки к прогнозу погоды. «Издается...» – догадался Антон.

Приятный, с лёгкой металлической хрипотцой голос гармошки заставил всех, кто стоял вокруг, обернуться. Кто-то даже захлопал и восторженно заулюлюкал.

– Можно посмотреть инструмент? – Антон взял гармошку так, чтобы оператору было удобно её снять. – А для чего вот этот рычажок сбоку?

– Это называется слайдер. Чтобы звук менять на полтона выше-ниже.

– Ясно... – Антону не терпелось поскорее вскрыть Дэна на какую-нибудь скандальную историю об армейском или тюремном прошлом: – А как вы к этому пришли? Почему гармошка, эм-м, а не гитара, не барабаны?

– А почему трава зелёная? – с неожиданной иронией парировал Дэн.

Антон мысленно выругался.

– Дэн, постарайтесь ответить серьёзно. Вы, в какой-то сте-

пени, эм-м... ну... достопримечательность. Я не думаю, что в нашем городе есть ещё хоть кто-то, кто играет на губной гармошке. Я лично никого не знаю...

– Я тоже.

– Я думаю, нашим зрителям очень интересно, как вы к этому пришли. Всё-таки, почему вы играете на губной гармошке?

– Почему я играю на губной гармошке... Наверное, потому, что мне хочется.

– Может быть, вам кто-то подарил гармошку, и вы решили научиться играть? Может она вам досталась... эм-м, не знаю... в бою, как трофеей?

– Нет. Я её купил в магазине. Учился по самоучителю. – Дэн улыбнулся. – Ничего интересного, в общем.

– Ничего интересного... – Антон потоптался на месте, мысленно повторяя слово «бесперспективняк», которое служило на кастингах СК-ТВ универсальным тестом на наличие дефектов речи. – А как вы считаете, кто виноват в том, что сорвался сегодняшний концерт?

– Организатор.

– Организатором было молодёжное движение «Авангард».

– Ну, вот они и виноваты. Без комментариев.

– Но это же эм-м... их первый опыт такого рода.

– Надеюсь, что и последний. Не умеешь – не берись. Пять минут прошли или как?

– Да... спасибо за интервью.

Едва Дэн удалился, как Антон Змейцев чуть не взвыл во весь голос:

– Что это такое, а? Я что, дефективный? Серёга, я что не так делаю-то?

– Всё так... – пожал плечами бородач-оператор. Он делал то, за что ему платили – снимал, остальное его мало волновало.

Антон чувствовал, что ненавидит себя. Как только дело доходило до интервью, куда-то пропадали все сколько-нибудь толковые мысли, забывались заготовленные вопросы, зато откуда-то появлялось это идиотское «эм-м».

– Значит так, ищем Блимберга, пусть проведёт нас к «Зелёному чаю». Пара вопросов им – и всё, едем монтировать. Сюжет надо сдать завтра утром, и мы его сдадим.

Антон бросился искать Тима. Толпа возле клуба рассеялась, остались лишь те, кто ещё надеялся получить автографы участников «Зелёного чая».

Блимберга не видно нигде.

Змейцев попытался сунуться в клуб, но пожилой вахтёр не пустил.

– А Блимберга можно позвать? Блимберга знаете?

– Ищите снаружи, молодой человек. Полчаса назад вышел.

Машина Тимофея (точнее, одна из машин его папы) стояла недалеко от крыльца. Значит, Блимберг ещё здесь.

– Куда ж ты провалился? – пробормотал Антон. Попытался вспомнить, как всё было несколько минут назад: Тим достал телефон, отошёл поговорить... и исчез куда-то.

Антон попытался восстановить маршрут Блимберга. Двинулся в том же направлении, к правому углу здания, и вскоре заметил валявшийся на асфальте среди бутылок и пустых пакетиков из-под чипсов мобильный телефон Тима – эту огромную чёрную галошу трудно было не заметить. Экранчик телефона был разбит.

Змейцев перешёл на быстрый шаг. Свернул за угол. Вдоль стены на второй этаж поднималась бетонная лестница, под лестницей имелась глубокая ниша с дверью – запасным выходом. В этой нише, скрючившись, валялся Блимберг, вяло ворочался и громко стонал.

Антон торопливо склонился над ним:

– Тимка? Живой?

– Живой... – всхлипывая, ответил тот.

– Больно?

– А тебе бы в живот саданули кулаком, раз пять – тебе бы не больно было? – взвыл Блимберг.

Антон помог ему сесть.

– Фак! Больно и тошнит... – пожаловался Тим. – Башка кружится, фак.

– Кто тебя так?

– Да этот... амбал.

– Какой?

– Да он в какой-то группе играет. «Бухие тролли», что ли. Гармонист.

– Харпер, – поправил Антон. Его вдруг начал разбирать смех.

– Взял, меня затащил сюда. Я даже ничего сказать не успел... Он мне заехал в живот кулаком, несколько раз, и ушёл. Уркан хренов. Сволочь... Подонок... Сегодня же заявление напишу. И сотовый мне разбил. Бандит. Где они только его откопали?

– Говорят, он в горячей точке воевал... А может, сидел.

– Ну, и обратно сядет. Сегодня же напишу заявление.

Змейцеву было злорадно: так тебе и надо. Дурачок ты, Блимберг, напыщенный индюк. А «Авангард» твой – идиотская игра наподобие КВНа. А ты-то, наверное, думал, что всё это всерьёз, собирался горы сворачивать. Вот и свернул. Странно, что тебе самому ничего не свернули – можно сказать, гуманно обошлись.

Нужно построить сюжет вокруг этого: что «Авангард» конкретно обгадился с этим концертом. Первая же серьёзная акция – и полный крах. И показать Дэна, когда тот говорит: во всём виноваты организаторы. А Дэн – молодец мужик. Был бы Антон на месте этих обманутых музыкантов – сам бы с удовольствием врезал горе-организатору.

Недалеко от здания клуба, у подъезда древнего двухэтажного дома, Дэн заметил кучку «легионеров». Кому не досталось места на лавочках — сидят на корточках, по-зэковски. Бритые головы. Пиво, семечки... Они здесь не просто так, не от скуки. Наблюдают.

Патриотическую организацию «Молодёжный Легион» придумали год назад, по личному указанию новоявленного президента Пирогова. Из униформы обязательной была только нарукавная повязка с эмблемой — древнеримской лавровой веточкой. Остальное додумали сами «легионеры». По всей стране на вещевых рынках подчистую раскупались армейские ботинки, камуфляжные брюки, куртки и майки. Куртка обязательно расстёгнута, чтобы продемонстрировать модный по нынешним временам православный крест. В качестве официальной причёски принята стрижка «под ноль» — просто и без излишеств. В городке под названием Углы в «Легион» входила почти вся местная молодёжь.

Углы слились со Святокаменском давно и прочно, официально считались пригородом, хотя были скорее спальным районом. Были до тех пор, пока на предприятия Святокаменска не пришли новые хозяева и не уволили девяносто девять и девять десятых процентов местных жителей. Причины увольнений одни и те же: алкоголизм, курение, агрессив-

ность, kleптомания, невысокий IQ. Реже – наркомания, потому что денег на наркотики у местных просто не было. В довершение всего было закрыто самое крупное из святокаменских ПТУ, в его отреставрированном и переоборудованном здании расположили Университет для детей приезжих специалистов. Оставшись без работы и без учёбы, озлобленные парни вступали, кто ещё не вступил, в «легион». «Легионеры» частенько ходили маршем по улицам Углов и Святокаменска, устраивали шумные акции протеста под окнами представительств заокеанских корпораций. «Янки, гоу хом!», «Япошки – вон!» До драк и погромов, впрочем, не доходило. Видимо, потому, что «легионеры» не получили соответствующего приказа. Пока не получили.

При прежнем президенте бывали кое-какие стычки между местными и приезжими, потом прекратились – для приезжих быстро возвели элитные жилые районы, на том месте, где раньше был огромный китайско-вьетнамский рынок и прилегавшие к нему трущобы. А в Углы и близлежащие посёлки новые жители Святокаменска старались не соваться. Так окраины превратились в гетто. Ходили слухи, что Святокаменск скоро поглотит свои пригороды: старые улицы снесут, а жителей выгонят прочь.

Когда исполняющим обязанности президента, а потом и официальным президентом стал Пирогов, у местных жителей появилась надежда, что новая власть выгонит из города незваных гостей, и всё будет как раньше. Этого не слу-

чилось: договор об аренде Святокаменска нельзя было в одностороннем порядке аннулировать в случае смены власти в стране, это было оговорено в одном из его пунктов. А любое внешнее вмешательство в дела города могло бы быть расценено как международная агрессия.

Но всё-таки что-то назревало, грандиозное и страшное. Дэн чувствовал это. Уже месяца два «легионеры» не устраивали своих патриотических шествий с боевыми песнями времён Великой Отечественной и посаженными на кол чу-челами в японской военной форме тех же времён. Даже не появлялись на улицах большими группами, а если и появлялись, то тихонько сидели на лавочках у подъездов, изо всех сил стараясь не привлекать к себе внимание. Параллельно с этим затишьем происходило какое-то тайное движение. Из спортивных магазинов исчезли все бейсбольные биты, их попросту смели с прилавков, хотя вряд ли кто-то в Святокаменске, кроме заокеанских специалистов, играл в бейсбол. В оружейных магазинах скупили все охотничьи ружья и ножи. Обо всём этом взволнованно писала какая-то Аглая Лысенко, в журнале «Часовая башня».

А три дня назад на армейских полигонах недалеко от Святокаменска начались масштабные учения. Звуки выстрелов и взрывов долетали до окраин, в наглой близости от города пролетали боевые вертолёты.

Возле подъезда своего дома Дэн встретил ещё одну группу «легионеров», он лично знал каждого – это были пацаны

из соседних квартир. Хромой широкоплечий Михан, повредивший ногу в армии, смуглый Вартан, смешливый глупенький Илюшка... Самому старшему было двадцать пять, самому младшему – тринадцать.

При виде Дэна все встали.

– Здравствуй, Дэн. – На правах старшего Михан протянул Дэну руку. Тот нехотя пожал её, вопросительно глянул хромоту в глаза.

– Разговор есть, – пояснил Михан.

– Только короче, я тороплюсь.

– Все торопятся. Садись.

– Постою.

– Пивка?

– Не пью. Гармошка не велит.

Никто не засмеялся.

– Ну да, ты ж гармонист...

– Не называйте меня гармонистом. Давай короче. Ты ко мне опять с тем же самым?

– Ну.

– Сколько раз я должен сказать «нет», чтоб ты понял?

– Дэн, я к тебе сейчас обращаюсь как к порядочному пацану. Ты нам нужен.

Забавные ребята, у них «пацан» – это не указание на возраст, а почётный титул, который носят лет до шестидесяти.

Дэн лениво поскрёб небритую щёку:

– А подробнее можно?

– Подробнее будет, когда ты точно скажешь: «да» или «нет». Ты, конечно, можешь отказаться...

– Вот и ладно. – Дэн шагнул в сторону и, обогнув Михана, двинулся к крыльцу. Остальные «легионеры» встали на его пути, но Дэн прошёл сквозь них, так сильно толкнув плечом Вартана, что тот чуть не упал.

– Да постой ты! Дэн! – Михан догнал его одним прыжком. – Я тебя прошу! Ты понял? Как пацана тебя прошу, как родного брата!

– Ну, чё, чё те надо-то, Миш? – устало спросил Дэн. – В вашем «Легионе» я не буду.

– Почему? Можешь сказать?

– Да хотя бы потому, что он «молодёжный», а я староват уже...

Михан несколько раз громко выматерился. Потом закричал:

– Отмазываешься возрастом? Тут не в возрасте дело-то! Ты же за них, за америкосов и за япошек! Ты ведь за них? На их стороне? А? Крыса?!

Дэн посмотрел ему в глаза. Без угрозы, но Михан почему-то осёкся и отступил на шаг.

– А хоть бы и за них, – спокойно произнёс Дэн. – А ты сам-то почему против них?

– Да как это почему? Они захватчики потому что! Мрази!

– А почему мрази-то? На работу не берут? А ты пиво своё вылей и не пей больше. И не матюгайся, как сапожник. По-

пробуй хотя бы полгода вообще не пить и не матюгаться – и всего-то делов. И тест на ай-кью пройдёшь, ты ж с мозгами. На производство тебя хоть куда возьмут, у тебя ж руки золотые... Нет, тебе проще бегать и орать, какие они все мрази и оккупанты. Ну чё молчишь-то, а? Нечего сказать?

– Ага, и так и жить, как они прикажут? По их поганым правилам? А если они прикажут на карачках ползать – мне ползать, да? Да я никогда! Никому! Ни одной твари! Не позволял собой командовать! – рассвирепел Михан.

– Ну да? А в армии?

– Это было другое... Там хотя бы свои люди – командиры. Дэн, короче: ты не с нами?

– Нет.

– Дэн, это был последний раз. Больше спрашивать не будем.

Тот хмыкнул:

– Наконец-то дожил.

– Дэн, ты ведь сам не понял, что сделал...

– Да всё я понял.

– Дэн, последняя просьба. Это я уже к тебе не как «легионер», не как русский человек русскому человеку, а просто как сосед. Уезжай отсюда.

– Куда?

– Всё равно куда. Тебе ж будет лучше.

– А ежели мне некуда ехать?

– Тогда не повезло тебе. Удачи тебе, Дэн.

– Сам не сдохни.

Хреновый какой-то день получается. Сперва концерт сорвался, теперь эти сопляки со своим «Легионом» докопались. Дэн вынул из холодильника банку тушёнки, из хлебницы – кусок батона. Откупорил банку, упал на продавленный диван, включил радио, повертел рукоятку, натыкаясь то на Ларису Черникову, то на лопотание китайских дикторов, долетавшее из-за границы, до которой пять часов езды. Отыскал новости, устроился поудобнее, не спеша проглотил свой обычный ужин вперемешку с информацией.

Мэр Меликов присутствовал на открытии новой больницы... В Святокаменске сделают монорельсовую дорогу... Жителям города будет предоставлен безвизовый въезд на территорию США и Японии – каждому, кто отработал на предприятиях города год и один день... В кинотеатре пройдёт фестиваль японской анимации... Десятилетний сын Георгия Меликова любит фильмы с Джеки Чаном, а особенно его песни... Ерунда одна. Бывает, что в новостях звучат и более интересные вещи. Например, недавняя речь Меликова, в которой он, пользуясь полнейшей безнаказанностью, открыто назвал Пирогова фашистом. Это было достойным ответом на нередко проскакивающие в выступлениях президента намёки, что, мол, из-за фатальных ошибок прежней власти некоторые территории нашей страны незаконно присвоены иностранными капиталистами и что он, всенародно избранный президент Пиров, найдёт способ их вернуть.

В этот раз не было ничего подобного. Обмолвились только, что крупномасштабные учения близ Святокаменска до сих пор продолжаются, но никак это не прокомментировали. А что комментировать, всё и так ясно. Святокаменск – пусть небольшая, но всё-таки заноза в заднице президента Пирогова. Неясно только, зачем всё это бряцанье оружием – выглядит бессильной злобой и не более того. Если хоть один солдат ступит на территорию города – вмешаются американцы, а там и до Третьей Мировой недалеко... Едва ли этот городишко того стоит.

Пужинав, Дэн отправился в ванную. Почистил зубы над треснувшей раковиной. Впереди ещё одно выступление, нельзя осквернять гармошку грязным ртом. Побрился. Дэн брился раз в неделю и именно в субботу вечером. Без щетины его лицо казалось уже не угрюмым, а просто серьёзным.

Распахнул шкаф, где висел чёрный костюм – единственная ценная вещь, которой владел Дэн, не считая губной гармошки. Почистить его щёткой, отутюжить белую рубашку, надеть её, завязать галстук, облачиться в костюм – и можно идти. Дэн ненавидел костюмы и галстуки, но с необходимостью надевать всё это раз в неделю давно смирился.

«Легионеров» у подъезда уже не было.

Дэн жил почти на самой границе двух городов, а точнее сказать – двух миров. Две минуты пешком – и замусоренный, потрескавшийся асфальт становится идеально ровным, чистым и целёхоньким, изношенные, измождённые до-

ма сменяются новостройками, а с портретов в витринах магазинов вместо широкой простецкой физиономии президента Пирогов начинает смотреть хитрое скуластое лицо мэра Меликова, с лисьей улыбкой и узкими глазами. Он же сам наполовину японец – потому и смог выторговать для города столь выгодный «особый статус», фактически – независимость. Ворон ворону, как известно...

На пути вырастает милицейский патруль. На животах висят автоматы.

– Документики, пожалуйста...

Милиционера интересует та страничка паспорта, где указана прописка. Прочитав, что Дэн живёт в Углах, патрульный делает серьёзное лицо и интересуется:

– С какой целью направляетесь в город?

– Я музыкант, играю в «Серебряном якоре».

Дэн трезв, хорошо одет и выбрит. Иначе его без разговоров завернули бы обратно, а если бы у него с собой была сумка или ещё что-то, где можно спрятать оружие – непременно обыскали.

– На чём же вы играете?

Дэн достаёт губную гармошку.

– Гармонист, значит?

– Харпер.

– Харпер-фигарпер, харпер-фигарпер... – со скучающим видом напевает патрульный. Милиция большей частью осталась старая, с прежних времён. Служители закона приспособ-

бились к новым порядкам, научились не выражаться, заменяя ругательства словами «фиг», «блин» и «транда», перестали брать взятки, потому что вырос их официальный доход... И всё равно многие из них были почему-то недовольны этими самыми новыми порядками. Возможно из-за того, что Меликов планировал со временем распустить милицию и создать какую-то новую службу охраны порядка. Распустить – потому что недовольны новыми порядками. А недовольны – потому что хотят распустить. Заколдованный круг прямо.

– Изобразите что-нибудь... – просит скучающий милиционер.

Дэн играет «Наша служба и опасна, и трудна». Патрульные смеются и аплодируют.

– Можно гармошку посмотреть? А вот эта пимпочка сбоку зачем?

– Чтобы менять звук на полтона выше-ниже.

Милиционеру, судя по выражению его лица, это ни о чём не говорит. Он возвращает Дэну гармошку и паспорт, дружески приобнимает и как бы невзначай сообщает:

– Вот что, Даниил Иванович: завтра вечером не ходите в город.

– Почему?

– Ну... вот так. И лучше вообще не выходите из дома.

– А?..

Милиционер резко отшагивает, отдаёт честь. Все четве-

ро уходят прочь широким шагом. Догонять, что-то спрашивать – бесполезно. Дэн продолжает путь и вскоре выходит на проспект Ленина. Наверное, в каждом городе есть улица Ленина, в Святокаменске тоже была, в проспект её переименовали недавно. За последние четыре года эта улица ощутимо выросла, как и весь город. Множество новых зданий: банк, телецентр, кинотеатр. На месте вчерашних скоплений ларьков – торговые центры. Дэн шагает к автобусной остановке. В новостях сказали, что вместо автобусов скоро будет моно-рельсовая дорога. Поскорей бы уже, а то автобусный парк, наверное, лет двадцать не меняли. У новой власти тоже не до всего руки доходят.

Дэн едет в Старый город, туда, где старинные дома, мощенные плиткой тротуары, изящные фонари и Часовая башня. Площадь и прилегающие к ней три улицы. В субботу вечером здесь особенно многолюдно. Среди гуляющих людей нет ни одного пьяного, никто не дерётся. Дэну нравится бродить здесь, но времени у него мало, нужно успеть к началу вечернего концерта. По субботам в «Серебряном якоре» играют джаз. Фортепиано, бас-гитара, ударные и губная гармошка. Из музыкантов Дэн, который на время концерта становится Даниэлем – самый молодой. Ему снисходительно разрешают посолировать в трёх-четырёх композициях, но настоящая звезда вечера – пианист Алёша, немолодой уже человек с глазами ребёнка, да и привычками тоже. Алёша очень любит мороженое и нервничает по пустякам. Не лю-

бит здороваться за руку, бережёт пальцы. Вместо этого кланяется, по-особому сложив руки на груди: совмещает большие пальцы, выставив ладони в стороны – ладони становятся крыльями, а пальцы – головой птицы. В Святокаменск Алёша приехал недавно, до этого был преподавателем в провинциальной музыкальной школе и жил впроголодь.

Выступления в «Серебряном якорь» приносили Дэну сто долларов еженедельно. В остальные дни он репетировал с «Бухими троллями», играл с ними на самодеятельных рок-концертах, играл под гитару на вечеринках, играл под магнитофон и радио, играл везде, где мог, и никак не мог насытиться музыкой.

«Серебряный якорь» посещали, в основном, люди средних и преклонных лет. (Для молодёжи была прорва других заведений, в том числе и огромный клуб «Часовая башня», расположенный на первых этажах той самой башни, гордости города.) Они слушали Алёшину игру, боясь сделать глоток, откусить, пошевелиться или даже громко вздохнуть. Как-то менялись даже их лица, будто бы становились моложе.

Алёше очень нравилось здесь, на берегу моря. И он играл это. Когда уходил в импровизацию, в клавишных переборах слышались плавные перекаты волн, порой разгонявшиеся до шторма. Редко, но долго и гулко звучали низы – гудки теплоходов. Быстро-быстро и мелко-мелко на верхних нотах – это краб семенит. Негромко, но величественно – сопки. Иногда

Алёша начинал играть порт, быстро и многозвучно, ему помогал барабанщик стуком и лязгами.

Дэн умел слышать музыку чужими ушами. Он смотрел на лица людей в «Серебряном якоре» и знал наверняка, что когда они закрывают глаза, то видят всё это: и штиль, и шторм, и краны, и теплоходы, и сопки, и крабов. Изредка подбрасывал автомобильные сигналы или стоны чаек. Когда приходила его очередь солировать – пытался сыграть морской пейзаж, или опрятный Святокаменск, или грязноватые Углы, но чувствовал – не дотягивает. Получался гармоничный набор звуков и не более того.

Сделать мелодию легко, если знать как. Сперва снизу вверх, потом – сверху вниз. Сперва вопрос – потом ответ. А один известный музыкант сказал проще: «Чтобы сочинить хит, мне нужно две ноты. Одна – «ля». Вторая – не «ля». А в том-то всё и дело, что не ноты надо играть, не ими мыслить. Губная гармошка не должна играть ноты, она должна плакать, кричать, стонать, шептать, вибрировать от удовольствия. Когда Троль играл Дэну новые песни, тот легко мог подобрать проигрыш к любой из них, но иногда не делал этого. Говорил: «Ничего не слышу. Давай следующую». Этому научил его Алёша. «Даниэль, мой славный юноша... – сказал однажды пианист, хотя Дэн уже лет десять как вышел из юношеского возраста. – Никогда не придумывай музыку. Послушай внимательно и играй то, что слышишь. Первый импульс – самый верный, лучшая музыка – та, что родилась

спонтанно. Ничего не слышишь – лучше промолчи».

...В тот вечер в «Серебряном якоре» появился посторонний. Дэн это понял сразу же, потому что Алёшина музыка стала вдруг плоской и блёклой, как пиликание мобильного телефона. Алёша играл так, как играл всегда, но сейчас его слушал кто-то, на кого не действовало скромное волшебство пианиста. Дэн напрягся: в зале присутствовал недобрый, грубый человек. Вот и он. Хорошо одетый, как и все, но молодой и злой. Местный предприниматель, оказавшийся на грани разорения по вине заокеанских корпораций. Дэн отлично знал людей такого типа и сам работал под начальством одного из них.

Пианист продолжал играть, как ни в чём не бывало. Дэн позавидовал его самозабвению: лично он не умел вот так отключаться от внешнего мира, чтобы во время игры слышать только себя.

Посторонний громко ел, стуча вилкой и ножом – музыка ему явно мешала. Пил водку, быстро напился. Встал из-за стола, уронив стул. Пошатнулся, опёрся на стол, чтобы не упасть, и заорал на весь ресторан:

– Да что это за говно?

Алёша тут же перестал играть, нервно дёрнувшись на сиденье. Пьяный посетитель продолжал:

– Херня, а не музыка. Мэ-мэ-мэ, бэ-бэ-бэ... – Он подёргал пальцами, передразнивая пианиста. Повернулся к остальным посетителям. – И чё, вам это нравится? А жопу ли-

зять япошкам – нравится? Ничего-о-о-о... Скоро хана всем япошкам. И Меликову вашему, самому главному япошке. – Он опять повернулся к растерявшимся от неожиданности музыкантам. – А вы все, вот вы все, да – вы опять будете «Мурку» играть. До самой, блин, старости будете «Мурку» играть. И «Таганку».

Пьяный молодой человек замолк ненадолго, а потом, не то откашлявшись, не то рыгнув, заорал «Голуби летят над нашей зоной, мне с тоски нельзя на них смотреть...» К нему подступили двое охранников, вежливых, совсем молодых ребят:

– Пожалуйста, прекратите по-хорошему.

Тот заржал, громко и деланно:

– Гэ-гэ-гэ! А по-плохому? Ну чё вы мне сделаете, а? Морду разобьёте?

Охранники замялись:

– Вызовем милицию...

– Во. Вот и всё, что вы можете. В морду-то дать слабо? Слабо, а? – Он несильно шлёпнул ладонью по лицу одного из охранников, тот попятился.

– Да ну вас на хер, – подвёл итог пьяный молодой человек и двинулся по ломаной траектории к выходу из ресторана. Охранники шагали следом, легонько подталкивая в спину, или делая вид, что подталкивают.

Хозяин ресторана, вытирая платком руки и лысину, выбрался на сцену и виновато произнёс:

– По всей видимости, сегодняшний музыкальный вечер окончен... Вы понимаете, да. – Он посмотрел на пианиста Алёшу, который неподвижно сидел на прежнем месте, закрыв лицо руками (ладони опять были сложены «птичкой»). Вечер был не закончен, а уничтожен. Завсегдатаи ресторана сидели, будто помоями облитые – растерянные, униженные. Блондинка в ярко-красном вечернем платье, сохранившая в свои сорок лет молодые фигуру, зубы и лицо, беззвучно плакала и скребла ногтями по фиолетовой скатерти, будто по лицу пьяного хама.

Дэн знал, что Алёша не притворяется, что играть сегодня он уже не будет. И есть, и разговаривать. И заснуть не сможет.

Получив у хозяина деньги – пятьдесят долларов вместо обычных ста – Дэн поспешил к выходу.

Пьяный молодой человек не успел далеко уйти – опершись на стену ресторана и наклонив голову, громко икал. Охранники стояли у дверей ресторана и наблюдали за ним.

Дэн быстро подошёл к пьяному сзади и, когда тот успел наполовину обернуться, молча ударил тяжёлым кулаком в ухо. Молодой человек рухнул, не издав ни звука. Дэн наклонился к упавшему, схватил за ворот, приподнял, хотел ударить головой о стену. Передумал. Бросил парня обратно на асфальт.

– Вызовите ему неотложку, – буркнул Дэн.

В Углы Дэн возвращался другой дорогой, через подзем-

ный переход, пролежавший под железнодорожной станцией. Несмотря на поздний час в переходе играл музыкант – длинноволосый мальчишка в потрёпанном берете а-ля Че Гевара.

Дэн остановился рядом, какое-то время внимательно слушал. Мальчик пел под гитару «Кончится лето» Виктора Цоя.

Во внутреннем кармане куртки беспокойно шевелилась гармошка – словно клинок, который впустую извлекли из ножен, а потом убрали обратно, так и не напоив кровью.

Харпер извлёк из кармана пиджака зелёную бумажку с портретом Гранта, показал её мальчику, бросил в раскрытый гитарный чехол, лежавший у ног музыканта. Встал рядом с гитаристом и стал подыгрывать на гармошке. Исполнил вместе с ним «Что такое осень», «Ой-йо», «Маму-анархию», «Я хочу быть с тобой». Закончив одну песню, гитарист тут же начинал следующую. Со своим неожиданным компаньоном он не перекинулся ни словом, лишь опасливо поглядывал на испачканную кровью манжету белой рубашки.

За полчаса мимо Дэна и гитариста прошло всего три человека, никто не швырнул ни одной монетки. Глухие! Когда свежеиспечённый дуэт завершил длинным проигрышем Чиграковскую «Песню о любви», Дэн зашагал дальше, продолжая держать гармошку в руке.

Выйдя из перехода, он устало спросил:

– Ну что ещё я могу для тебя сделать?

Гармошка не ответила. Когда он говорил, она молчала. И наоборот.

Дома его ждали консервы, чёрствый хлеб, радиоприёмник и продавленный диван. Дерьмовое завершение дерьмового дня. Завтра на работу. Дэн работал сутки через двое, завтра рабочая смена. Взять выходной вряд ли получится, договариваться со сменщиками надо было заранее. Да Дэну и не хотелось брать выходной, даже несмотря на все предупреждения. Завтра что-то будет. Что-то будет. И это надо увидеть. Даже если придётся умереть.

Дэн ощупью отыскал губную гармошку и негромко, чтобы не разбудить соседей, заиграл «Марсельезу».

* * *

Звонок в дверь.

– Здравствуйте, Тамара Сергеевна.

– Привет, Вика. Заходи.

У себя в комнате Рудик захлопнул книгу, отложил на тумбочку. Вздохнув, вытянулся на диване, заложил руки за голову. Спокойный вечер окончен.

– Ты поиграть?

– Да. Я не помешаю, Тамара Сергеевна?

– Нет, я ж как раз ухожу на весь вечер.

– В «Серебряный якорь»?

– Да... Чай будешь пить?

– Нет, спасибо.

А голос-то, голос у Вики! Прямо сама скромность и

невинность.

Мама, уже облачённая в вечернее платье, заглянула в комнату:

– Рудик, к тебе ж подруга пришла!

– И что дальше?

– А здороваться ж кто будет?

– Зайдёт – поздороваюсь.

– Не стыдно, Рудик?

Рудольф уже закончил первый курс Универа, а мама до сих пор зовёт его Рудиком и стыдит, как первоклассника.

– Мама, уйди... – просит он со страдальческим лицом.

Она скоро уйдёт. Мама каждую субботу уходит на весь вечер в «Серебряный якорь», а каждую пятницу – в «Часовую башню». По пятницам она надевает топик и джинсы в обтяжку, а в субботу – вечернее платье. В «Часовой башне» у неё целая куча поклонников: Саша, Володя, Марат. И в «Серебряном якорь» – Всеволод Ильич, Михаил Петрович... Мама мечтает выйти замуж во второй раз, но для неё это не основная цель вечерних походов в огромный молодёжный клуб и в маленький уютный ресторанчик.

«Рудик! – говорила она. – Ты ж не представляешь, какое это счастье: отдыхать в обществе культурных, трезвых людей!» Как человек, которого долго морили голодом, а потом посадили за шведский стол: ела и не могла наесться. Она, всю жизнь мечтавшая вырваться из своего маленького городка, работала теперь переводчицей при каком-то японце, и

только «ж», втыкаемое к месту и не к месту, выдавало в ней человека из провинции, почти что колхозницу. Свои сельские гены мама глушила, как могла. В терапевтических целях читала классику и модернизм, слушала джаз. «В «Якоре» такие ж музыканты играют! Пианист – просто чародей!» Рудик верил на слово и никогда не ходил вместе с мамой, хотя она и звала. Рудик не любил места, где много людей.

Из соседней комнаты доносится стрельба. Там стоит огромный телевизор с 32-битной японской игровой приставкой. Вика любит пострелять в монстров из светового пистолета, встав в красивую позу с отставленной в сторону ножкой. Она вообще любит пострелять, даже ходит в кружок стендовой стрельбы при стадионе «Луч». Любит шизанутые японские мультики и выглядит, как персонаж одного из них. Два хвоста, спускающихся ниже лопаток, фиолетовый топик, короткие ярко-сиреневые шорты с бахромой, длинные ножщи, ботинки на огромных платформах.

Мама захлопывает дверь. Сейчас начнётся.

Вика словно бы не слышит – стреляет, как ни в чём не бывало. Демонстрирует презрение, а может, решила немного подождать, не вернётся ли мама.

Мама не вернулась.

Подождав ещё минуты две, Вика выключает телевизор.

«Шлёп-шлёп-шлёп» – негромко звучат её босые шаги.

Приближаются к двери.

Вика заглядывает в комнату:

– Как поживает мой маленький симулятор мужчины?

– Отлично.

– Встань, когда дама входит, – командует она.

Лучше подчиниться. За непослушание Вика наказывает.

– Ладно тебе, – смеётся она. – Садись.

Кажется, у неё хорошее настроение.

– Чем занимаешься завтра?

– Залипаю.

Когда Рудик говорит «залипаю», это означает: целый день сижу дома, читаю, смотрю видак, режусь в видеоигры, пью чай... И очень хочу, чтобы кто-то предложил другой вариант. Вика это прекрасно знает.

– Завтра в 18.00 приходи к Универу.

– Зачем?

– Общий сбор «Авангарда».

– А я причём? Я ж не в «Авангарде»...

– Считай, что в «Авангарде».

– Что будет-то?

– Пока что не могу сказать... Секрет.

Рудик, не выдержав, усмехается:

– Иди туда, не знаю куда?

– Рудик, не вредничай, а то в ухо получишь. Ты нам нужен. Нужны мальчишки с руками и с головой. Но их мало, так что и ты сойдёшь.

– С руками и с головой? Что, глобальная акция намечается? Металлолом собирать?

– Рудик, скажи: ты придёшь или нет?

Можно подумать, есть выбор.

– Приду.

– Ай ты, умница моя! – Вика громко целует его в ухо. Потом вытягивается на диван, уложив ноги Рудiku на колени. – Смотри, какие красивые ножки.

– Красивые, – подтверждает он.

– А почему ты мне сам не скажешь? Ждёшь, когда я спрошу? Целуй! – приказывает она.

Он целует её загорелые колени, потом спускается губами ниже к ступне. Легонько кусает за пальчики.

– Продолжай, – командует девушка.

Рудик знает, что она часами может наслаждаться этим – поцелуйчиками и массажем. И ограничиваться только этим. У кого-то другого вряд ли хватило бы терпения вот так вот лизать и массировать без надежды на продолжение – вот почему Вике нужен был он.

Он прикасается губами к одной из подушечек её пальцев. Несильно пощипывает зубами – Вика от этого просто балдеет.

Не менее десяти минут – массаж ступней. Потом спина, плечи, шея. Потом она переворачивается – настает очередь целовать её животик. Главное в эти мгновения – не позволять себе лишнего, а то Вика может со всей силы ударить ногой в живот – или ниже. У неё сильные ноги, как у лошади.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.